

духовно выражает неразделимое единство. Там враждебная разграниченность сословий — в Древней Руси их единодушная совокупность при естественной разновидности. Там поземельная собственность есть первое основание гражданских отношений — здесь собственность случайное выражение отношений личных. Там законность формально — логическая — здесь выходящая из быта. Там склонность права к справедливости внешней — здесь предпочтение внутренней. Там улучшения всегда совершались насильственными переменами — здесь стройным естественным возрастанием» [Киреевский 1984: 3].

Можно сказать, что в этих рассуждениях Киреевский выступает с позиций философа — славянофила. Мыслитель пишет о необходимости большего сближения религии с жизнью людей. Именно эти мысли философа актуальны как никогда...

Литература

1. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма, М., 1990. С. 48.
2. Платонов О. Русская цивилизация. М., 1992. С. 144-145.
3. Киреевский И. Избранные статьи. М., 2004. С. 89-90.

Е. В. Купчик, г. Тюмень

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ИЕРОМОНАХА РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «И ГОРЬКО СЛОВО...»)

Образное осмысление действительности художником слова находит отражение в метафорических моделях (далее ММ), фиксирующих образные признаки соответствующих концептов. Перечень данных моделей, снабженный данными об их частотности, несет информацию о «закономерностях образного стиля автора» [Павлович 1995: 464]. Рассмотрение реализаций ММ в компаративных конструкциях позволяет определить степень значимости для автора того или иного понятия, выявить его характерные признаки, сделать определенные выводы относительно особенностей авторского мировидения.

Обращение к поэтическому творчеству одного из виднейших представителей современной православной поэзии, автора ряда поэтических сборников, члена Союза писателей России иеромонаха Романа (Матюшина) позволяет выделить ряд ММ. В сборнике «И горько слово...» [Иеромонах Роман 2009], включающем стихотворения 2007-2009 годов, написанных в ските Ветрово, выявлены модели, в субъектную зону которых входят обозначения широкого круга реалий, относящихся к разным областям: человек, его духовное бытие; земное, небесное, водное пространство; живая природа; свет; время и др. Наибольшей частотностью отличаются ММ с субъектными зонами «душа», «человек» и «мир».

Лексема «душа», отличающаяся в современном русском языке многозначностью, употребляется автором в единственном — первичном — значении: «внутренний психический мир человека, его переживания, чувства и т.п.<...> По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом [СРЯ 1981-1984: I: 456]. Являясь аналогом «внутреннего человека», душа проявляет себя в витальных, антропоморфных, зооморфных, вегетативных и иных признаках — описанных [Пименова 2004].

В поэзии И. Романа душа представлена в свойственных человеку действиях и состояниях широкого диапазона: ее «сковывает страх», она пребывает «в тревоге Пред тем, как надобно уйти», скорбит о несовершенстве мира — и в то же время имеет вечный источник радости: осознание присутствия Бога в таинстве богослужения или при созерцании человеком природы. Повторяется в текстах образ поющей души, благодарящей Бога: она «поет, благодарно поет», «поет прощеною невестой», а также плачущей. «Благодарения слезу» вызывает в душе и взгляд на «голубейшую лазурь» неба, и служение в алтаре: «Замираю, восторгом объят. А душа не насытится плачем: И на браке от счастья слезят». Герой-автор призывает собственную душу «благодарить за свой удел», связанный с удалением от *мира*, способного ей навредить. Душа нередко находится в подчинении у человека телесного, его плоти, «утробы», оказываясь в ситуации, когда «Служанка правит, словно госпожа».

Душе как живому существу свойственна потребность в пище, которая может быть для нее полезной (как, например, восторг от ощущения близости к Богу) или губительной; в последнем случае страдают и душа, и ее телесная оболочка, например: «Не видно чистого лица: Душа грехом питается».

Представленные единичными реализациями ММ «душа — свет», «душа — сосуд», «душа — предмет», «душа — источник» отражают характеристики души в плане ее чистоты, совершенства, самого смысла ее бытия. Вышеназванные сопоставления используются автором главным образом при характеристике несовершенной, поврежденной, погибающей (или уже погибшей) души, виной чему оказывается сам человек: он наносит душе раны, наполняет ее «непотребством», гасит ее свет, лишает достойной пищи (например, общения с Богом), нарушает ее целостность, тем самым обесценивая ее: «Разрывая душу на куски, Не ищите в поврежденной ценность».

Человек как субъект сопоставления чаще всего предстает в ММ как составляющая некой общности (человечества, народа, социального слоя). Люди ассоциируются с объектами одушевленного или неодушевленного мира, причем почти все реализации соответствующих моделей содержат негативную информацию о людях — прежде всего о «неверах» и развращенных властью чиновниках, например: «Пугало в огороде Всякий невер надменный, И человечество вроде Чучела во Вселенной»; «Снова лают на Христа неверы»; «Чиновник честен, как любовник Перед обманутой женой»; «У церкви ли, у государства Чиновник — разложенья ось». Забвение Бога, погруженность в суету уподобляет людей многочисленным мелким частицам неодушевленной материи, находящимся в непрерывном беспорядочном движении: «Живем какой-то жизнью странной, Мелькая нынче, как вчера, Подобно каплям океана, Подобно искрам от костра». Привязанность к земному в ущерб духовному дает основания для сопоставления людей с представителями земной фауны, например: «Гораздо проще жить гориллой — Про жеребцов, кобыл молчу»; «Так в земное зарылись, Словно те же кроты». Орнитологические же признаки передают положительные характеристики соответствующих реалий. В вертикальном измерении мира птица занимает позицию верха, принадлежа миру небесному, что ставит ее в оппозицию к земному, грубо материальному. Образ птицы как объекта сопоставления в текстах И. Романа отражает евангельское представление о ней как о существе, не обремененной земными заботами, «приземляющими» человека. «Беззаботность птах» подобает «душе, отрекшейся от мира»; святая подвижница ничего не имеет на земле: «Вот странница, блаженная вдовица, Гонимая повсюду и везде, Явилась нестяжательнее птицы: та хоть ночует в собственном гнезде».

Характеристики внутреннего мира человека, отраженные в ММ: «воля — человек», «ум — существо», «забвение — яд» и т.д.; объединены идеей необходимости связи с Богом, без которой человек проигрывает в происходящей внутри него войне, когда, например, «То злая воля попирает чувства, То доброй воле чувств не одолеть». Без Бога теряет значимость

все имеющее ценность для человека — например, интеллект: «Ищущий мудрость напьется безумия, Если не чтит он премудрость Создателя»; «Ум в бессилии склоняется»; «Образование без духа Есть разлагающийся труп!»; без Бога умирает и сама душа, поскольку «Любой родник всегда пересыхает, Коль не идут небесные дожди».

Субъектом ряда сопоставлений является исполненный соблазнов *мир* — «светская жизнь в противоположность монастырской, церковной» [Ожегов 2010: 247]. Реализации ММ «мир — человек» отражают представление о мире как о существе, лишенном рассудка, самодовольном, живущем по установленным им самим правилам «морали лицемерной». Образ этого *мира* предстает резко сниженным, например: «Мир гордится собой — видно, в зеркало он не глядится, Похотливый старик, потерявший рассудок в блуде. Как на царский престол, в нечистоты свои же садится <...> И не видят, как мерзок с проваленным носом старик». Выступая в роли поводыря, «подопечных своих мир ведет по спирали, И, конечно же, вниз, да еще торопя». Подобные ассоциации обнаруживаются и в реализациях ММ «мир — учреждение»: «Мирское общество — дурдом С порядками публичного».

Воздействие *мира* на людей, на их души характеризуется автором как вредоносное, направленное на лишение чистоты, искажение первоначального облика. В стихотворении «Любой сосуд неогражденный...» по отношению к миру-человеку неоднократно применяется разговорный глагол *мусолить* — «смачивать или пачкать слюной, а также вообще пачкать мокрыми, жирными, липкими руками» [Ожегов 2010: 255]. Мир совершает данное действие с людьми, превращая их в «замусоленное племя», в связи с чем удаление от этого мира расценивается как благо: «Душа моя, в блаженной доле Благодарю за свой удел, Что мир тебя не замусолил, Что мир тебя не разглядел!».

Если человек нередко отступает от Бога, то природа живет по его законам и в согласии с ним, о чем свидетельствуют реализации ММ «растение — человек», «растение — объект небесного пространства», «растение — снег», «насекомое — драгоценное», «облака — ангелы», «светило — человек», и т.д. В данных сопоставлениях отражено эстетическое совершенство, божественная — в прямом и переносном смыслах — красота мира природы. По сравнению с «человеческими» ценностями даже мельчайшие природные объекты представляются значительно более привлекательными, например: «Зеленый жук на огневидной стежке Перебирает паутинный невод. Таковую ослепительную брошку Не нашивала сроду королева»; «Мерцающая радужно росинка Затмит собой любые бриллианты». Отметим, что образ росы в христианстве несет значительную символическую нагрузку, будучи связанным с проявлением любви Бога к людям, с благодатью, с образом Богородицы, одно из именовании которой — Руно орошенное. Возвышенность образа «небесных капель» проявляется в реализациях ММ, в которых *роса* является объектом сопоставления. Например, капли весеннего дождя («Под Благовещенье гроза!») ассоциируются с росой, чудесным образом выпавшей на руно ветхозаветного Гедона. Человеческие же добродетели в уподоблениях росе предстают эфемерными: «Нам похвалиться также нечем <...>: Добро и правда человечьи, Как темной ночью свет росы».

Представления о небесном вызывают облака — «светящиеся крылья», созерцание которых способно исцелить душу: «Высокое всегда врачует! Как будто ангельский собор С луной в полночи кочует».

Растения не только оберегают и украшают место монашеского уединения («Дубовою стражей закрыт, Заснеженный белыми розами, Ликует на Троицу скит»), но и символизируют значимые для христиан события. Так, тюльпаны стремятся распуснуться к празднику Воскресенья Христова, чтобы «Пасхальной радостной порою Пасхально ризами гореть», а незадолго до него, на Страстной неделе, «напоминают Всё больше кровь от Копия».

Реализации ММ с субъектом «ночное светило» также представлены переживающими известные евангельские события. На Страстной неделе «Луна томила... Совсем по-зимнему глядела». Месяц на Страстной неделе меняет размер и форму: «А месяц рос как на дрожжах. Единый вид ему наскучил: То он серпом созвездья жал, То долькой зависал над тучей».

Многие реализации названных ММ вписываются в рамки более общей модели — как, например, в «За липами да за берёзами...»: Звучит соловьиное пение, Цветами играют поля. Такое вокруг единение, Что видится Храмом Земля».

Рассмотрение ММ в поэтических текстах иеромонаха Романа дает возможность сделать наблюдения и выводы относительно нравственных, религиозных, ценностных, ориентиров автора, особенностей его восприятия мира.

Литература

1. Иеромонах Роман. И горько слово... Минск; Белорусская Православная Церковь, 2009.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: «Оникс», 2010.
3. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М: Изд-во РАН ИРЯ. 1995.
4. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004.
5. Словарь русского языка. В 4-х т. Под ред. А.В. Евгеньевой. Т. 1. 2-е изд-е. М.: 1981.

А. М. Левченко, А. П. Ярков, г. Тюмень

О ТИПОЛОГИИ СПИСКОВ АБАЛАКСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ»

С момента начала проведения акции «Возвращение Абалакской иконы» тема поиска Абалакской иконы была достаточно популяризирована. Иконе было посвящено множество статей научного и научно-популярного характера, обнаруженные списки активно реставрировались, сама святыня была представлена не только как главная святыня Сибири и Северного Казахстана, а еще и как историко-культурный феномен, исходя из многообразия сохранившихся копий.

Икона по праву считается чудотворной для православных Сибири, Кабраматта (Австралия), и, что немаловажно, Северного Казахстана [Соловьев 1909], ценной — для знатоков искусства.

География сохранившихся копий, помимо Урало-Сибирского региона, Северного Казахстана, охватила Красноярск, Санкт-Петербург, Москву, Нижневартовск, Сургут, Ханты-Мансийск и др. Один из списков, ныне находящийся в Ильинском женском монастыре г. Тюмени, был привезён с Афона и имеет значительные утраты доски и красочного слоя на полях.

Разработанная нами типология списков икон позволяет проследить эволюцию иконографического образа, начиная от самих ранних списков XVII в., заканчивая XX в., а так же проследить территорию распространения и траекторию пути как списков иконы, так и самого образа.

Методика изучения базируется на искусствоведческом анализе каждого конкретного списка иконы, который заключается в натурном обследовании предмета искусства, выявления со-